

Я глубоко вздохнула.

Если бы я не успокоила себя таким образом, я чувствовала, что действительно могла бы потерять самообладание.

- Верно, я в таком положении, что должна спасти Вашу Светлость любыми необходимыми средствами.

Через мгновение.

Я открыла рот как можно спокойнее.

Люциан - мой единственный спасательный круг.

Поэтому я не должна позволить нашим отношениям полностью развалиться.

Нельзя забывать, что я должна как-то полагаться на него.

- Но причина, по которой я хочу спасти вас, не только в том, чтобы быть любимой маркизом Оффенхеймом.

Отчаянно утешая себя подобным образом.

Я спокойно расспросила Люциана.

- Меня больше интересует кое-что другое. Как вы думаете, вы должны жить только по одной причине - чтобы быть кем-то любимым?

-....

Люциан выглядел несколько удивлённым, когда встретился со мной взглядом.

Я слегка прикусила губы.

По правде говоря, я знаю.

"Эльзе" - не более чем злодейка, введённая ради сюжета романа, чтобы подчеркнуть добрую и любящую главную героиню.

Однако, не важно, насколько я злодейка.

Всё ещё.

...У меня может быть надежда жить так, как я хочу.

- Я хочу жить.

Я выплюнула эти слова.

- Я не хочу жить сумасшедшей женщиной, одержимой маркизом Оффенгейром, или высокомерной злодейкой, которая совершает всевозможные пакости в этой школе-пансионе.

Чтобы подавить эмоции, поднимающиеся во мне, я сжала кулак.

Мои ухоженные ногти вонзились в ладонь, причиняя лёгкую боль.

- Я просто хочу... жить как Эльзе Левериан.

-....

Его голубые зрачки сильно дрожали.

Встречаясь с его пронзительным взглядом, не зная, что делать.

Я запинаясь, произнося свои слова сдавленным голосом.

- И жить как Эльзе Левериан, чтобы осуществить свои мечты.

-...Ты.

- Вы должны быть живы сейчас.

Я закусила губу до крови.

- Не беспокоиться о том, чтобы увидеть рассвет завтра, не быть ни к кому привязанной, просто... жить день за днём.

Я глубоко вздохнула.

-...Это такое большое желание?

У меня было такое чувство, будто всё внутри переворачивается.

Я больше не могла смотреть на лицо Люциана.

Я быстро развернулась и покинула одиночную камеру.

* * *

Бах!

Дверь в одиночную камеру закрылась так, словно вот-вот сломается.

Лязг, лязг

Эхом отозвался грубый звук запираемой двери.

Цок, цок, цок

За толстой дверью слышались грубые, едва слышные шаги на каблуках.

Люциан уставился на закрытую дверь со сложным выражением лица.

- Я не хочу жить сумасшедшей женщиной, одержимой маркизом Оффенхейром, или высокомерной злодейкой, которая совершает всевозможные пакости в этой школе-пансионе.

- Я просто хочу... жить как Эльзе Левериан.

Люциан вспомнил образ Эльзе, который он только что видел.

Это было в первый раз.

Эльзе, которая всегда казалась спокойной и собранной, так открыто демонстрировала свои эмоции.

Её глаза цвета тыквы, которые всегда были наполнены милой улыбкой, выглядели глубоко встревоженными.

Её сдержанная речь была такой же, но чувствовалось, что её нервы были заметно напряжены.

Эльзе в тот момент была похожа на замок из песка, который рухнет от одного прикосновения пальца.

Странно хрупкая...

"Ну и что?"

Люциан коротко усмехнулся.

Неважно, какую боль Эльзе, возможно, приходится испытывать.

Даже если она хочет жить не как злодейка, а как личность по имени Эльзе Левериан...

Честно говоря, Люциан знал это с самого начала.

"Почему я должен заботиться о других людях?"

Его сарказм был направлен скорее на него самого, чем на Эльзе.

Нынешняя ситуация, когда его притащили в эту ужасную школу-пансион и заперли здесь, не в силах ничего сделать, была невыносимой.

К горлу подступила тошнота.

- Вы действительно хотите умереть с голоду?

Холодный вопрос Эльзе снова ужалил его.

Люциан лежал на кровати, обхватив голову обеими руками.

Его голова раскалывалась от боли.

"...Я ничего не знаю".

По правде говоря, ему не хотелось умирать сразу.

Отказ от еды был просто потому, что он не хотел.

Конечно, у него тоже не было никакого желания кормить людей в этом жалком месте...

"Меня тошнит".

Точнее, каждый раз, когда перед ним ставили еду, он испытывал прилив отвращения.

Он чувствовал себя зверем, вынужденным сидеть на собственном поводке, которого кормят через равные промежутки времени, как животное...

Поступающая пища ощущалась как корм...

"Как долго я должен быть заперт здесь?"

"Побег действительно невозможен?"

"Разве я не могу попросить кого-нибудь о помощи, неважно кого?"

Под поверхностью его гнева начали переплетаться многочисленные вопросы.

Этих вопросов становилось всё больше, и в конце концов они превзошли даже его гнев.

Теперь Люциан был просто сбит с толку.

Среди этих вопросов больше всего его мучил следующий...

"...Правда ли мой брат бросил меня?"

Его добрый и заслуживающий доверия брат.

Его улыбающееся лицо всегда было нежным.

С тех пор, как они потеряли своих родителей, Люциан доверял ему и следовал за ним, как за родителем.

"...Была ли вся доброта, которую я видел от него, ложью?"

Сначала он думал, что все объяснения Эльзе были ложью.

Ему не хотелось верить, что брат предал его , и в глубине души он считал своё пребывание в школе-пансионе какой-то ошибкой.

Люциан верил, что брат придёт и найдёт его достаточно скоро, поэтому он не сомневался в этом.

Но какова реальность сейчас?

Люциан всё ещё...

Разве он всё ещё не заперт один в этой ужасной камере?

- Неважно, я просто устал.

Пульсирующая головная боль, казалось, распространилась по всему его телу.

Люциан свернулся калачиком и закрыл глаза.

Он погрузился в то, что ощущалось как слабый и глубокий сон.

* * *

Прошло некоторое время.

Когда я вернулась в свою комнату, меня охватило непреодолимое чувство самобичевания, и мне захотелось биться головой обо что-нибудь.

"Что мне с этим делать?"

Я слишком много говорила перед Люцианом, говорила то, что не нужно было говорить.

- Не беспокоиться о том, чтобы увидеть рассвет завтра, не быть ни к кому привязанной, просто... жить день за днём.

Несмотря на то, что я изо всех сил старалась подавить свой гнев, я, должно быть, была тогда очень взволнована.

Выпалить такие неловкие слова так небрежно.

"На самом деле, если бы я могла, я бы просто исчезла из этого мира..."

Но молоко уже пролилось, и я была той, кто должен был разрешить эту ситуацию.

Мне нужно было как-то взять себя в руки.

Нужно было найти способ облегчить текущую ситуацию, когда Люциан потерял всякую мотивацию и отказывался есть.

В краткосрочной перспективе я могла насильно кормить его едой через горло, но и этому были пределы.

В этом случае.

"Мне нужно найти способ возродить волю Люциана к выживанию..."

Пока я думала об этом, мои зрачки слегка расширились.

Вот оно.

Самый эффективный способ возродить волю Люциана к выживанию.

Метод был...

* * *

Глухой звук

Дверь открылась.

Внутри тускло освещенной камеры.

Люциан, который казался ещё более сухим, чем когда я видела его раньше, повернулся и посмотрел в мою сторону с бледным лицом.

Вчера мне было всё равно, войду я в камеру или нет.

Я должна считать удачей, что он хоть немного отреагировал.

- Здравствуйте, Ваша Светлость.

Поставив поднос с едой, которую я приготовила, на стол.

Я осторожно приблизилась к Люциану.

- Я приношу извинения за грубость ранее.

-...

- Вы казались расстроенным и являли собой удручающее зрелище. Мне искренне жаль.

-...

Что бы я ни говорила, Люциан просто смотрел на меня пустыми глазами.

Он ничего не сказал в ответ.

Однако...

"Может ли он оставаться таким спокойным, даже увидев это письмо?"

Из своих объятий я достала письмо и положила его перед Люцианом.

На роскошном конверте изящным почерком было написано имя отправителя.

Артур Крейг, маркиз Крейг.

Двоюродный брат и старший брат Люциана.

“...Что это?”

В одно мгновение в голубых глазах Люциана, которые до этого не подавали признаков жизни, вспыхнуло мерцающее пламя.

Лёгким движением подбородка я указала на конверт с письмом.

- Маркиз Крейг... Другими словами, письмо от кузена Вашей Светлости.

На сжатом кулаке Люциана, сжимавшего письмо, вздулись вены.

Я заговорила спокойным голосом:

- Пожалуйста, проверьте получателя.

-...

Его голубые глаза, казалось, с напряжением пожирали конверт с письмом.

Затем сухие губы Люциана задрожали.

- Данте...

Его голос вырывался из горла, как будто выползал из самых глубоких глубин ада.

- ...Оффенхейр.

Человек, к которому Эльзе, оригинальная протагонистка, была одержимо привязана.

Владелец школы-пансиона Розенкройц.

И в настоящее время человек, с наибольшей вероятностью пытающийся убить меня.

Услышав это имя, я лучезарно улыбнулась.

- Верно.

Чтобы возродить волю Люциана к выживанию, я выбрала метод.

И этим методом было не что иное, как желание отомстить.

<http://tl.rulate.ru/book/90273/3514372>